

Чай Цзыжань почувствовал, как лицо его чернеет. Никак он не ожидал, что Мо Цюцзюнь любит Лоу Юйцзэ до такого исступления. Когда его родители были живы, их семья дружила с Великой старшей принцессой. Та, пройдя сквозь горнило сражений, была настоящей воительницей, не уступавшей мужчинам ни в отваге, ни в прямоте. После смерти родителей Чай Цзыжаня она продолжала о нём заботиться, но в последние годы он так опустился, что стыдился её беспокоить, и связи между их домами постепенно сошли на нет.

Но то, что они с Мо Цюцзюнем были друзьями детства, — чистая правда. И то, что Мо Цюцзюнь ради Лоу Юйцзэ отрёкся от этого, было верхом безумия.

— Ажань! — едва переступив порог трактира, Чай Яньжань увидела два отточенных лезвия, приставленных к шее брата. Её будто обухом по голове ударило. Она бросилась вперёд, вытирая слёзы рукавом. Её глаза, полные влаги, казались прозрачными и чистыми, будто омытыми водой.

Мо Цюцзюнь всё же вспомнил о старых чувствах и жестом велел стражам убрать мечи. Едва освободившись, Чай Цзыжань тут же шлёпнулся в объятия сестры, захлёбываясь рыданиями, в которых слёзы смешивались с соплями: «Сестрёнка, он, он... он меня обидел!» Палец, уже занесённый в сторону Мо Цюцзюня, дрогнул и указал на Жун Лина.

Чай Яньжань, считавшая и Жун Лина, и Мо Цюцзюня помехой на пути к счастью брата, в гневе подошла к первому, чтобы высказаться:

— Господин Жун Лин, я уважаю вас как учёного мужа, но вы не можете презирать моего брата лишь за то, что он не жалуется книги!

С трудом выдавила из себя сквозь стиснутые зубы:

— Вы... вы действительно отвратительны!

Руки Жун Лина, не получив разрешения Мо Цюцзюня, по-прежнему почтительно сложены перед ним. Услышав слова Чай Яньжань, его неказистое лицо побледнело. Он открыл рот, но, возможно, из-за присутствия Мо Цюцзюня, не решился наговорить глупостей.

Чай Цзыжань шагнул вперёд, заслонив сестру собой. Он, как мужчина, мог стерпеть клевету Жун Лина — та лишь добавила бы к его и без того сомнительной славе разве что обвинение в том, что он «возжелал небожителя, а не получив, вознамерился осквернить». Но Чай Яньжань, шестнадцатилетней и к тому же рождённой от наложницы, и так было нелегко найти достойного и порядочного жениха. Запятнайся её репутация — и о счастливом замужестве можно было забыть.

Чай Цзыжань предупредил Жун Лина, сверкая глазами:

— Ври сколько влезет, но только мне. Посмеешь тронуть сестру — живьём с тебя шкуру спущу!

Глаза его широко раскрылись, но попытка выглядеть свирепо на его распухшем и синяками покрытом лице вышла скорее комичной.

Мо Цюцзюнь вдруг фыркнул, но, заметив, что все взгляды устремились на него, тут же вновь обрёл каменное выражение лица. Чай Цзыжань, не боявшийся смерти, буркнул:

— Господин Цюцзюнь, вам бы почаще смеяться. А то смотришь на вас — и подумаете, будто вам все семьдесят...

Не успел он договорить, как Чай Яньжань локтем ткнула его в бок. Чай Цзыжань смущённо почесал нос, заметив, что лицо Мо Цзюцзюня стало и вовсе ледяным, и, покраснев, прикрыл ладонями свои пылающие щёки.

Мо Цзюцзюнь обратился к Чай Яньжань. Лицо его оставалось холодным, но голос смягчился:

— Одолжите вашего брата мне на день.

Чай Яньжань ещё не успела ответить, как Чай Цзыжаня уже схватили стражи Мо Цзюцзюня и поволокли прочь. Она открыла рот, чтобы спросить, когда брата вернут, но Мо Цзюцзюнь оставил ей лишь спину в чёрных одеждах, и слова застряли у неё в горле.

Лишь когда все покинули трактир, ошеломлённые посетители наконец опустили свои затекшие руки. Жун Лин потер локоть и запястье, на мгновение задумался, затем подошёл к Чай Яньжань и сказал:

— Господин Цзыжань и господин Цзюцзюнь — друзья детства. С ним ничего не случится.

Последние слова он произнёс тише, словно не слишком уверенный в своих словах.

Чай Яньжань поправила его:

— Господин Цзюцзюнь и мой брат не просто друзья детства.

Жун Лин молча опустил голову, корил себя за то, что в гневе не подумал о том, что Чай Цзыжань — любимый брат Яньжань, и облил его грязью. Теперь он не знал, ненавидит ли она его, и украдкой взглянул на неё.

Чай Яньжань спокойно продолжила:

— Господин Цзюцзюнь и мой брат — друзья с пелёнок. С самого детства Цзюцзюнь души в нём не чаял.

Беспокойство в сердце Жун Лина растаяло. Он замер, слушая её дальше:

— Но мой брат не отвечает ему взаимностью. Его сердце принадлежит господину Юйцзэ.

Закончив, Чай Яньжань оценивающе взглянула на неказистого Жун Лина и безмятежно добавила:

— Вы человек образованный, непременно найдёте того, кто оценит вас по достоинству. Мне кажется, господин Цзюцзюнь — прекрасная партия. Почему бы вам не попытать счастья?

Чай Яньжань продолжала, всё больше увлекаясь своей идеей: если Цзюцзюнь, влюблённый в её брата, и Жун Лин, пылающий страстью к Лоу Юйцзэ, составят пару, то её брат сможет беспрепятственно соединиться с Юйцзэ.

Глаза её, подобные весенним водам, заискрились:

— Господин Цзюцзюнь — сын Великой старшей принцессы. Станьте вы её зятем — и никакие экзамены вам не понадобятся, чтобы получить должность. Никто более не станет смотреть на вас свысока из-за внешности, попирая ваш талант.

Она моргнула своими ясными, полными надежды глазами:

— Оставьте господина Юйцзэ. Полюбите лучше господина Цзюцзюня. Хорошо?

Жун Лин: «...»

Посетители трактира: «...»

В усадьбе Великой старшей принцессы царила весенняя нега. Даже одно-единственное персиковое дерево, раскинувшееся во дворе, дышало жизнью. Нежно-розовые цветы, подобные румянам или парче, густо покрывали ветви, осыпаясь время от времени россыпью лепестков — зрелище, от которого невозможно было оторвать глаз.

Разумеется, всё это очарование меркло, стоило лишь прислушаться к раздававшимся время от времени душераздирающим воплям и заметить алый силуэт, болтавшийся вниз головой на цветущей ветви того самого персикового дерева.

Когда в усадьбе Великой старшей принцессы раздались крики, слуга поспешил доложить хозяйке. Та нахмурилась:

— Что происходит? Кто посмел повесить человека на моём персиковом дереве? Разве не знают, что это любимое дерево Ацзюня?

Слуга, стоя на коленях, старался сохранить бесстрастное выражение, но лёгкое подёргивание бровей выдавало его смятение:

— Ваше Высочество, господина Цзыжаня лично связал и повесил господин Цзюцзюнь.

Великая старшая принцесса на мгновение замерла, затем приказала:

— Немедленно отпустите его.

Слуга, с каплями пота на лбу, не смел их вытереть и лишь ниже склонил голову:

— Господин Цзюцзюнь повелел висеть ему сорок девять дней и запретил кому бы то ни было из усадьбы принцессы его отпускать.

Великая старшая принцесса, опираясь на руку служанки Линцяо, быстрыми шагами направилась к цветущему персиковому дереву. Ещё не добравшись, она услышала истошные вопли:

— Ваше Высочество! Спасите! Спасите вашего племянничка! Я готов удалиться в самый заброшенный монастырь и молиться там о здравии и долголетию господина Цзюцзюня! Спа-си-те! Спа-си-те-е-е!

Великая старшая принцесса, слыша, как его голос сипнет от крика, вспомнила, что его родители были ей ближе родных, и сердце её дрогнуло.

— Отпустите его, — приказала она.

Чай Цзыжань рухнул на землю, закатал штанину, обнажив лодыжки, перетянутые верёвкой до багровых полос, и завопил:

— А-а-ай! Я ранен! Калека я!

Он принялся кататься по земле, подбираясь всё ближе к Великой старшей принцессе, поднял

своё опухшее, в слезах лицо, обхватил её ноги и зарыдал:

— Ваше Высочество, как же я несчастен! Не-счастен-с!

Рёв его был столь же горючим, как и в день смерти родителей.

Великая старшая принцесса, чьё мягкое сердце уже порядком закалилось от его постоянных выходов, широко раскрыла свои глаза-фениксы и с укором спросила:

— И зачем ты досаждал Лоу Юйцзэ?

В горле у Чай Цзыжання встал ком. Ему и не нужно было напоминать: скажи он, что не досаждал, — принцесса спросила бы, зачем тогда называл «красавицей». Ответь он «не называл» — она бы поинтересовалась, зачем же тогда обнял.

На душе у него стало горше полыни. Обвини кого другого в домогательствах к Лоу Юйцзэ — многие бы усомнились. Но если обвиняли его — никто и не думал верить в невиновность. Не оставалось ничего иного, как, припав к ногам Великой старшей принцессы, горько завывать и переводить тему:

— О-ой! Как же мне больно-о! Позовите лекаря-я!

<http://bllate.org/book/15931/1423811>